ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Материалы международной
научно-практической конференции

63.52 (236)
Т 65

Редакционная коллегия:
С. А. Димухаметова (главный редактор),
О. Л. Кутьев, Г. Н. Чагин
Ответственные за выпуск:
Н. А. Мальцева, Е. Н. Меркушева

Традиционная народная культура населения Урала: Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 1997. — 224 с.

В публикуемых докладах и сообщениях, основанных на новых полевых материалах, представлена широкая картина культурного развития народов Урала и ряда других регионов России, а также некоторых зарубежных стран. Для историков, этнографов, фольклористов, широкого круга читателей.

Печатается по решению ученого совета Пермского областного краеведческого музея.

В книге использованы рисунки художника Ю. А. Новинькова, участника экспедиций музея.

© Пермский областной
краеведческий музей, 1997

С. А. Димухаметова,
О. Л. Кутьев, Г. Н. Чагин

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

23-27 августа 1993 года в городе Перми прошла международная научно-практическая конференция «Традиционная народная культура населения Урала», организатором которой выступил Пермский областной краеведческий музей.

Полевые исследования традиционных культур народов Урала и прилегающих к нему регионов (русских, коми-пермяков, коми, удмуртов, марийцев, татар, башкир и др.) в последние годы велись достаточно активно. Экспедиции проводились различными организациями и учреждениями (академические и учебные институты, музеи, общественные организации и объединения). Накоплен богатейший фактический материал, приобретен ценный опыт методики проведения полевых исследований. Обмен опытом полевой работы, координация дальнейших исследований, обсуждение актуальных проблем по изучению национальных культур представителями различных смежных наук, поиск наиболее эффективных путей сохранения народных традиций — вот круг проблем, которые предлагались к обсуждению организаторами конференции.

Тематика конференции вызвала интерес у исследователей различных специальностей. Заявки на участие были получены от историков, этнографов, археографов, фольклористов, лингвистов, археологов, педагогов-практиков. В программу конференции было включено более 70 докладов и сообщений исследователей из различных городов России, а также США, Финляндии, Румынии, Эстонии. По ряду причин (в первую очередь, из-за недостаточного финансирования научных учреждений России) на конференцию прибыли не все участники. Однако в целом состав участников оказался весьма представительным. На конференции было прочитано 46 докладов и сообщений. С ними выступили представители академических центров (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт языка, литературы и истории АН Татарстана, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, Институт языка, литературы и истории Башкирского научного центра РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН); университетов городов Хельсинки (Финляндия), Бухареста (Румыния), штатов Огайо и Орегон (США), городов Москвы, Ека-

Все вышитые изделия удмуртских мастериц имеют трехчастную композицию, она является также очень древней. «Трехъярусность в удмуртском искусстве, как и в русском, отражала, возможно, представление древнего человека о системе мироздания и соответствовала религиозной мифологии удмуртов, в которой главными божествами были: Инмар — бог неба, Куазь — бог сферы обитания человека, Мукылдысин — бог земли». (Л. И. Савельева. Вышивка центральных районов Удмуртии. «Искусство Удмуртии». Вып. 1. Ижевск, 1975. С. 112).

В настоящее время традиционная старая удмуртская народная вышивка (северная, центральная, южная) практически утрачена. Традиционная техника уступила место вышивке крестом и наколом, иному композиционному строению узоров, но делаются некоторые попытки возрождения традиционной удмуртской вышивки художниками Ижевской фабрики художественных товаров.

В. Э. Шарапов

ПАСХАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ

Устраивать качание на качелях с наступлением весеннего тепла — древняя традиция многих народов, в том числе финно-угорских[1]. В этнографической литературе неоднократно высказывалось предположение о том, что в традиционных представлениях земледельческих народов качели были магическим средством увеличения плодородия[2]. Такие представления нашли отражение и в фольклоре коми — в свадебных причетах невесты качели сравниваются с телом беременной женщины[3]. Не случайным в связи с этим представляется и эротический характер качельных песен и игрищ[4]. Ритмическое движение качелей само по себе является достаточно прозрачной метафорой соития.

Качели были одним из любимых развлечений у сельской молодежи коми во время пасхальных гуляний. Повсеместно пасхальные качели сооружались неженатыми парнями накануне Светлого Воскресенья. Поставить качели старались до наступления рассвета — так, чтобы никто не видел самого процесса их возведения. Место для качелей выбирали в центре селения, около церкви (соответственно рядом с кладбищем), либо за селом — при прибрежных лугах, где молодежь проводила игрища в весенне-летний период. Нередко в одном селении устанавливали до десяти больших качелей — такая традиция сохраняется до настоящего времени в селе Петрунь Интинского района. У

ижемских оленеводов в том случае, когда Пасха приходилась на конец апреля и нельзя было отлучиться от стада оленей, качели устанавливали прямо в тундре, недалеко от стада.

У коми бывало два типа больших пасхальных качелей:

— веревочные качели на двух опорах:

а) с короткой доской-сиденьем, подвешенной параллельно перекладине качелей,

б) с длинной доской-сиденьем, подвешенной перпендикулярно несущей перекладине качелей;

— качели карусельного типа:

а) с вертикально вращающейся крестовиной на двух опорах,

б) с горизонтально вращающейся крестовиной на одной опоре.

Опоры для качелей изготовлялись из еловых жердей или сосновых столбов. Качели вешали и между двумя деревьями (соснами или березами), растущими рядом, либо на прочной ветви многолетней березы. Реже качели подвешивали между деревом и построенными козлами: так, например, в с. Объячево в прошлом качели ставили на лугу «Гажа ин» (веселое место) возле березы, которую называли «Ыджыд Кыдз» (Большая Береза). Эту многовековую березу использовали в качестве одной из опор; вторую опору сооружали из еловых жердей. У ижемских и печорских коми были распространены большие качели, близкие по конструкции севернорусским пасхальным качелям[5]; каждая опора собиралась из 3-4 еловых жердей, составленных шалашеобразно; поперечная перекладина оборачивалась шкурой оленя для предохранения веревок от перетирания; на веревках подвешивалась сосновая плаха, которую вытаскивали из настила в сарае какого-либо дома. Такой конструктивный канон нашел отражение и в фольклоре коми:

«После пасхи ль начну причитать у веселой качели,
Раскачаем мы ходкую качель,
Что на восьми прямых жердях
Раскачаем мы люльку четырехугловую...»[6].

Аналогичные качели устанавливали в прошлом у удорских, сысольских и летских коми.

По традиции веревки для пасхальных качелей плели девушки. У летских коми нередко веревки сплетали из гибких стволов молодых березок либо вплетали в обычную веревку веточки с распустившейся листвой. Считалось, что молодые парни должны были обязательно порвать эти веревки, для чего необходимо было сильно раскачивать качели.

В центре селений, как правило, устанавливали нёль-потанакачаль: на вертикально вращающуюся крестовину подвешивали

четыре люльки. Так, например, в с. Краснобор Ижемского района устанавливали на Пасху три подобных качели в разных местах, причем все люльки красочно расписывались и, впоследствии, назывались по именам мастеров, которые их изготовили и расписали.

Реже у коми на Пасху сооружали качели карусельного типа на одном столбе: в землю вкапывали высокий столб, на вершине которого укреплялась горизонтально вращающаяся крестовина с привязанными к ней веревками. Такие качели у удорских коми устанавливали и на Крещение, а у вымских — на Вознесение.

На Пасху, так же как и на Масленицу и в первый день Троицы, девушки любили скакать на досках: поперек бревна, лежащего на земле, укладывали доску, по обеим сторонам которой становились девушки и, поочередно подпрыгивая, подбрасывали друг друга вверх.

На больших пасхальных качелях разрешалось качаться только неженатой молодежи старше 16 лет. Причем только с полудня и до наступления сумерек в течение всей пасхальной недели. Для малолетних детей и подростков в каждом доме на сарае вешались специальные детские веревочные качели — сеник гыдсан, которые не снимались до Вознесения. В дни Пасхальной недели подростки нередко устраивали качания на деревьях в березовых рощах, расположенных недалеко от селений. Происходило это следующим образом: несколько ребят одновременно залезали на вершину молодой высокой березы, раскачивали ее и пригибали макушку к земле; после этого один из ребят зацеплялся за макушку и раскачивался вверх-вниз над землей. Сходным образом по весне эстонские дети играют в пятнашки: раскачиваются на вершинах берез, стараясь перепрыгнуть на соседнее дерево[7]. В эти же дни девочки, тайком от родителей, устраивали «качели» на съемных изгородях из горизонтально укрепленных жердей: нижние жерди вытаскивались из опор, а на верхнюю наматывался передний подол сарафана.

На больших пасхальных качелях молодежь качалась по очереди, устанавливаемой в ходе различных игр. Так, в частности, у летских коми качающимся на качелях давали пару старых лаптей, которые спинывались с доски-сиденья в момент наивысшего подъема качелей — кто поймает эти лапти, тот и будет качаться следующим. Если позволяли размеры доски-сиденья, то одновременно на одних качелях качалось до 10 человек: девушки рассаживались на доску, а два парня становились по краям доски, держались за веревку, раскачивали качели. В люльках на нёль-потана-качаль также парни качали девушек,

приводя в движение с помощью несложного механизма вращающуюся крестовину. Девушки, сойдя с качелей, должны были поблагодарить парней поцелуем со словами: «Христос воскрес». У ижемских и интинских коми на качелях качались парами — парень с девушкой, которые должны были поцеловаться в момент наивысшего подъема над землей.

Приведенный выше материал дает основание предположить, что пасхальные качели были не только средством развлечения. Не исключено, что в прошлом участие в качельных игрищах, приурочиваемых к пасхальной неделе, могло расцениваться как испытание для молодежи, достигшей брачного возраста (сравни запрет качаться на больших пасхальных качелях детям до 16 лет). Примечательно, что в фольклоре коми качели описываются как смертельное испытание для эпического героя, отправившегося на поиски невесты:

«Подошли мы к тем качелям...
Под качелями лежат,
Вытянувшись в страшный ряд,
Кости сгнившие людские,
Кости свежие людские...
Сами сразу мы подумали:
«Значит, здесь они гостей
На качелях этих губят...»[8].

Сходные по содержанию качельные песни встречаются в обрядовом фольклоре карел и эстонцев[9]. Показательны в этой связи некоторые мотивировки запрета качаться на больших пасхальных качелях по окончании Светлой недели: «иначе упадешь в смоляную яму» (по поверьям коми, через смоляное озеро пролегает дорога в загробный мир); «только в течение пасхальной недели открыты ворота в рай» (считается, что души умерших на пасхальной неделе попадают сразу в рай). Следует отметить, что у коми к Пасхе приурочиваются поминки по всем умершим родственникам. В этом контексте качание на качелях можно поставить в один ряд с другими «проводными» обрядами весенне-летнего цикла. Молодежь, участвующая в качельных играх на пасхальной неделе, выступает как бы в роли проводников в иной мир для тех, кто умер в течение года. Примечательно в этой связи и ориентировка движения качелей по оси восток — запад.

Можно предположить, что в конструкции пасхальных качелей, обладающих реальными динамическими характеристиками, делается акцент на символическом описании динамических характеристик морфологической модели мироздания — возможности перехода из одного мира в другой. В тайном ритуале со-

оружения качелей, в самих качельных играх, вероятно, символически воспроизводился акт творения мира, заключительный момент которого можно соотнести с последним днем пасхальной недели. В этот день каждый из участников качельных игрищ приносил в дар парням, которые сооружали качели, крашеные пасхальные яйца — символ воскрешения. После этого качели полностью разбирались, либо с них снимались люльки и доски-сиденья. В последнем случае качельные опоры, в символике которых угадывается идея статической целостности мироздания, стояли в течение всего года до следующей Пасхи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О качелях у финнов, эстонцев, ижоры, ингерманландцев и карел см.: Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 22; Эстонский фольклор. Таллинн, 1980. С. 77, 196.

[2] Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 380; Левинсон А. Неклассическая красота каруселей // Декоративное искусство СССР. 1980, №9. С. 31.

[3] Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968. С. 191.

[4] Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 399-403.

[5] Зеленин Д. К. Указ. соч., С. 379.

[6] Коми народные песни. Ижма и Печора. Сыктывкар, 1968. Вып. II. С. 54.

[7] Устное сообщение О. И. Уляшева и Ниидусаар Калью.

[8] Коми эпическая поэзия. Л., 1991. С. 115.

[9] Сравни названия эстонских качельных песен: «Могила под качелью», «Испытание качелей» // Эстонский фольклор. Таллинн, 1980. С. 77.

Н. А. Большова

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ МАРИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ (1987—1991 гг.)

Цель статьи — познакомить с некоторыми итогами полевых исследований Марийского национального музея в 1987—1991 гг. Экспедиции проводились среди этнических групп восточных мари. Под восточными марийцами понимают довольно крупную этноязыковую группу марийского населения, проживающую за пределами Республики Марий Эл, к востоку от реки Вятки, в районах Прикамья и Приуралья. По переписи 1979 г. числен-